

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ Tactics Peculiarities of Interrogation Prior to Submission for Identification

Я. М. Мазунин – профессор кафедры криминологии Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Ya. M. Mazunin – Professor of the Criminology Department of the Omsk Academy of the RF Interior Ministry, Doctor of Law Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Аннотация. В статье исследуются тактические, психологические и процедурные особенности допроса опознающего об обстоятельствах, при которых тот наблюдал предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым он может его опознать (ч. 2 ст. 193 УПК РФ).

The article deals with tactical, psychological and procedural peculiarities of the identifier's interrogation relevant to the fact under which circumstances the identifier witnessed the person or the object presented for identification, taking into consideration the marks and distinctive features peculiar to the object of identification.

Ключевые слова: предъявление для опознания, допрос опознающего, сведения, сообщенные допрашиваемым, проведение повторного допроса, приметы лица или предмета.

Submission for identification, identifier's interrogation, items of information given by the person interrogated, repeated interrogation conducting, person's marks or object's marks.

Узнавание объектов является одним из постоянно осуществляемых видов психической деятельности человека, который в процессе практической деятельности определяет объекты, относя их к определенным группам или отождествляя с ранее встречавшимися объектами. При этом сложно выделить специфику узнавания от предъявления для опознания как следственного действия исходя только из характеристики объектов опознания. Это можно объяснить тем, что при расследовании уголовных дел опознаются обычные, постоянно встречающиеся в повседневной практике объекты, такие как живые люди, различные предметы обихода, одежда и т. п.

При этом, рассматривая схемы психологического процесса узнавания и процессуального опознания, можно было бы сделать вывод о том, что они якобы в принципе совпадают. Однако анализ рассматриваемых схем позволяет сделать вывод о том, что фактически содержание этого психологического процесса различно, так как оно определяется не только объектом, но и такими факторами, как эмоциональный фон процесса, мотивации процесса и условий, в которых он проходит. В связи с этим нельзя не согласиться с З. Г. Самошиной в том, что «содержание опознания как следственного действия отличается от содержания простого узнавания теми условиями его проведения, которые формулиру-

ет уголовный процесс, и специфической ответственностью (уголовной, моральной), наступающей за допущенную ошибку или сознательную ложь»¹.

Таким образом, приведенное суждение позволило указанному автору сделать вывод о том, что «существо предъявления для опознания состоит из психологического процесса узнавания, который от момента восприятия объекта и до вывода о тождестве или отсутствии его подчиняется требованиям, установленным процессуальным законом (происходит с соблюдением заранее выработанных условий), естественно, кроме акта первоначального восприятия»², что позволяет избежать односторонности в характеристике предъявления для опознания и ошибок в оценке его результатов.

Мысленный образ является идеальным отражением действительности, поэтому его исследование представляет значительные трудности и осуществляется главным образом на основе показаний о содержании этого образа. Отсюда в следственной и судебной практике еще допускаются сравнительно много ошибок, связанных с неправильной оценкой результатов предъявления для опознания, вследствие чего опознающее лицо добросовестно заблуждается или дает заведомо ложные объяснения. Наличие ошибок при предъявлении для опознания различных объектов в процессе расследования и узнавания вообще заставляет критически подходить к оценке результатов предъявления для опознания. Изложенное вызывает необходимость соблюдения всех формальных требований процессуального закона и выработанных криминалистикой тактических рекомендаций, максимально гарантирующих достоверность полученных результатов проведенного предъявления для опознания. Это обусловлено тем, что опознание в уголовном процессе – это не просто акт узнавания, а узнавание, осуществляемое в рамках, установленных уголовным процессом. В связи с этим следствию и суду далеко не безразлично, при каких условиях протекал данный процесс, были ли соблюдены требования закона, повышающие гарантии достоверности. Как справедливо указывает А. Я. Гинзбург, «узнавание как акт психологический может состояться и в том и в другом случае,

но для установления истины в уголовном процессе важен не только результат психической деятельности человека, но и форма, в которой эта деятельность осуществлялась»³.

Наряду с субъективными и объективными обстоятельствами, влияющими на подготовку, проведение предъявления для опознания и оценку его результатов, чрезвычайно значимы условия предъявления для опознания. Поэтому в законе (ст. 193 УПК РФ) подробным образом регламентирован порядок проведения рассматриваемого следственного действия, разработанный с учетом его особенностей. Чтобы гарантировать достоверность результатов предъявления для опознания, необходимо соблюдать следующие правила:

1) опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать (ч. 2 ст. 193 УПК РФ). Результаты допроса должны позволить следователю или суду решить, целесообразно ли проводить предъявление для опознания;

2) не может проводиться повторное предъявление для опознания лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам (ч. 3 ст. 193 УПК РФ);

3) лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним. Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех (ч. 4 ст. 193 УПК РФ). Похожими считаются лица, не отличающиеся от опознаваемого по тем своим внешним признакам, приметам, особенностям, которые указаны опознающим на предшествующем допросе. Опознаваемый не должен выделяться среди других предъявленных для опознания лиц одеждой, стрижкой или иными признаками, указывающими, например, что он находится под стражей. Такой порядок повышает достоверность получаемых результатов, так как лицу приходится узнавать объект, отличая его от сходных. При наличии нескольких объектов опознания они предъявляются по отдельности, также в числе сходных. Данное правило не распространяется на опознание трупа (ч. 4 ст. 193 УПК РФ);

¹ Самошина З. Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М., 1976. С. 9–13.

² Там же. С. 13.

³ Гинзбург А. Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике. М., 1996. С. 16.

4) с целью повышения достоверности предъявления для опознания живых лиц перед началом опознания опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц, о чем в протоколе опознания делается соответствующая запись (ч. 4 ст. 193 УПК РФ). Выполнение этого условия исключает в дальнейшем сомнения в объективности проведенного опознания;

5) при невозможности предъявления лица опознание может быть проведено по его фотографии, предъявляемой одновременно с фотографиями других лиц, внешне сходных с опознаваемым лицом. Количество фотографий должно быть не менее трех (ч. 5 ст. 193 УПК РФ);

6) предмет предъявляется для опознания в группе однородных предметов в количестве не менее трех. При невозможности предъявления предмета его опознание проводится в порядке, установленном ч. 5 ст. 193 УПК РФ (ч. 6 ст. 193 УПК РФ);

7) если опознающий указал на одно из предъявленных ему лиц или один из предметов, то ему предлагается объяснить, по каким приметам или особенностям он опознал данные лицо или предмет. Наводящие вопросы недопустимы (ч. 7 ст. 193 УПК РФ);

8) если опознающим является свидетель или потерпевший, они предупреждаются об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, что отмечается в протоколе (ч. 7 ст. 42, ч. 8 ст. 56, ч. 10 ст. 166, ч. 9 ст. 193 УПК РФ);

9) при предъявлении для опознания обязательно присутствие понятых (ч. 1 ст. 170 УПК РФ);

10) в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. В этом случае понятые находятся в месте нахождения опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

11) по окончании опознания составляется протокол в соответствии со ст.ст. 166 и 167 УПК РФ. В протоколе указываются условия, результаты опознания и по возможности дословно излагаются объяснения опознающего. Если предъявление лица для опознания проводилось в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, то это также отмечается в протоколе (ч. 9 ст. 193 УПК РФ). К про-

токолу могут быть приложены фотоснимки, аудио- и видеозапись.

Одним из условий, которые, на наш взгляд, наиболее значимы для достоверности результатов предъявления для опознания, является допрос опознающего, который должен быть предварительно допрошен об обстоятельствах, при которых он видел предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым он может его опознать, на тактике производства которого мы остановимся более подробно.

Предъявлению для опознания, в соответствии с ч. 2 ст. 193 УПК РФ, обязательно предшествует допрос будущего опознающего – свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, являющихся субъектами данного следственного действия (ч. 1 ст. 193 УПК РФ). Свидетели и потерпевшие привлекаются для опознания: подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления; трупа (или его частей); похищенных предметов и животных, орудий преступления, иных предметов, которые они могли наблюдать в связи с совершенным преступлением. Подозреваемому или обвиняемому могут быть предъявлены для опознания его сообщники, потерпевшие и свидетели, похищенные вещи, предметы, принадлежащие подозреваемому (обвиняемому) и утерянные или выброшенные им на месте происшествия, орудия преступления и иные объекты.

Рассматривая вопросы тактики допроса, предшествующего предъявлению для опознания, необходимо отметить, что предварительный допрос опознающего не следует понимать как самостоятельный допрос, производимый перед предъявлением для опознания. Если опознающий ранее по делу уже дал показания о приметах и обстоятельствах восприятия объекта, подлежащего предъявлению для опознания, то отсутствует необходимость его повторного допроса. Целесообразность в проведении повторного допроса может возникнуть в случаях, когда надо уточнить приметы, обстановку наблюдения или проверить, не забыл ли опознающий те признаки и обстоятельства наблюдения объекта, на которые он указывал ранее.

Как известно, в законе не содержится каких-либо указаний на минимальный возраст, начиная с которого лицо может давать показания. В соответствии с этим субъектом опознания могут быть не только взрослые, но и дети. Воз-

возможность привлечения ребенка к опознанию будет зависеть от степени его развития, способности к восприятию, а также от природы объекта опознания и условий его восприятия ребенком. Допрос ребенка о признаках опознаваемого объекта должен проводиться в порядке, предусмотренном для допроса несовершеннолетних ст. 191 УПК РФ, т. е. до 14 лет присутствие педагога обязательно, с 14 до 18 лет – по усмотрению следователя. При допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего вправе присутствовать его законный представитель.

Допрашивая опознающего об обстоятельствах, при которых наблюдался объект, подлежащий предъявлению для опознания, следователь должен, в частности, выяснить, где, когда (по возможности точно день, час), при каких обстоятельствах и при каких условиях (освещение, состояние погоды), сколько времени, на каком расстоянии он воспринимал объект, в каком состоянии находился объект (движении, покоя), кто, кроме опознающего, видел объект, о котором идет речь. Очень важно убедиться, сам ли опознающий наблюдал объект, не подсказал ли ему кто-либо приметы объекта.

От полноты сведений, изложенных при допросе, предшествующем опознанию, зависит многое. Например, подробные сведения о приметах человека или признаках предмета облегчают их розыск, способствуют правильному подбору всех предъявляемых объектов, создают гарантии достоверности опознания и правильной оценки полученных результатов при производстве предъявления для опознания. Как мы уже указывали ранее, выясняя обстоятельства, при которых наблюдался объект, следователь должен установить объективные и субъективные факторы, влияющие на полноту и правильность восприятия. Так, необходимо выяснить, в каком состоянии был допрашиваемый перед началом события, в процессе наблюдения и после того, каковы были направленность внимания, продолжительность восприятия, степень знакомства с воспринимаемым объектом, сила и направленность освещения, взаиморасположение воспринимаемого объекта с другими окружающими предметами. Для оценки показаний допрашиваемого важно знать, нет ли дефектов зрения, слуха у опознающего. Целесообразно выяснить у допрашиваемого, хорошо ли он запоминает лица и признаки предметов. Когда допрос касается перечисления признаков предметов,

имевшихся во владении допрашиваемого, необходимо выяснить, не остались ли какие-либо части этих предметов у допрашиваемого. Если таковые имеются, их необходимо впоследствии осмотреть и по возможности сохранить, так как при обнаружении искомой вещи для подтверждения опознания могут быть произведены криминалистическая, товароведческая, химическая и другие экспертизы.

Приступая к допросу по поводу примет воспринимавшегося ранее человека, следователь должен предложить допрашиваемому изложить все, что он помнит об этом. Выслушивая рассказ, целесообразно делать черновые записи, фиксируя приметы, называемые допрашиваемым. С целью проверки правильности показаний допрашиваемого необходимо задавать контрольные вопросы.

Если сведения, сообщенные допрашиваемым при свободном рассказе, достаточно обоснованные, но неполные, следователь должен задать уточняющие вопросы, направленные на восполнение описания словесного портрета. Очередность вопросов, касающихся описания отдельных признаков частей тела человека, должна соответствовать принятой в криминалистике системе описания по методу словесного портрета. Вначале отмечаются пол, рост, примерный возраст человека. Затем – телосложение, осанка. После этого – форма, размеры и положение головы и частей лица (лба, бровей, глаз, носа, рта, подбородка, ушей). Если человек был без головного убора – форма и цвет волос, характер стрижки. Особое внимание уделяется бросающимся в глаза приметам лица: шрамы, родимые пятна и т. п. В протоколе отмечаются также признаки одежды: ее вид, цвет, размеры, покрой, материал, состояние, имеющиеся дефекты.

Для того чтобы помочь допрашиваемому описать внешность человека, следователь может использовать средства наглядной демонстрации: рисунки, диапозитивы с изображением отдельных частей лица человека, цветовые таблицы, компьютерные, композиционные портреты.

Выражения и термины допрашиваемого, которыми он характеризует те или иные предметы, не могут изменяться следователем в протоколе допроса применительно к криминалистической терминологии. Показания излагаются в протоколе допроса. Однако следователь не должен ограничиваться показаниями допрашиваемого, в которых он, описывая человека, употребляет выра-

жения, не дающие определенного представления о человеке: лицо благородное, лицо красивое или некрасивое, фигура спортивная и т. д. Сохраняя эти выражения в протоколе допроса, следователь путем уточняющих (конкретизирующих) вопросов должен добиться того, чтобы допрашиваемый подтвердил данные им определения описанием конкретных примет человека.

Выслушав показания допрашиваемого, задав уточняющие и контрольные вопросы, а также выявив противоречия в показаниях или несоответствие суждений допрашиваемого общепринятым представлениям, известным фактам, следователь должен обратить на это внимание допрашиваемого, принять меры к устранению противоречий. При этом он не должен высказывать своего мнения и подсказывать сведения, касающиеся примет опознаваемого.

Заканчивая допрос, следователь должен выяснить у допрашиваемого, сможет ли он опознать лицо, приметы которого перечислены, среди других лиц, имеющих сходство между собой.

Как мы уже отмечали ранее, на практике часто встречаются случаи, когда лицо, хорошо запомнившее приметы наблюдавшегося человека, затрудняется описать его внешность. Объясняется это тем, что для человека без навыка описание внешности другого человека – задача психологически более трудная, чем узнавание. При возникновении данной ситуации, при которой допрашиваемый утверждает, что может опознать наблюдавшегося ранее человека, но не может перечислить подробно его приметы, необходимо выяснить, на чем основывается такая уверенность, каков его общий кругозор и т. д. Возможно, допрашиваемый обладает хорошей зрительной памятью, но совершенно не умеет описывать виденное. В связи с этим нельзя согласиться с мнением некоторых ученых, что «когда же из предварительного допроса не ясно, по каким причинам допрашиваемый не назвал приметы лица, подлежащего опознанию, либо заявил, что не рассмотрел приметы, а впоследствии опознал предъявленного, доказательственная ценность такого опознания сомнительна»⁴.

Нам ближе позиция А. Р. Ратинова, который по этому поводу указывает, что «узнавание нередко является самоочевидным, непосредственным знанием, которое сохраняет определенное

значение даже тогда, когда опознающий не может указать отличительных признаков, послуживших опорой для опознания, хотя в этом случае при проверке и оценке доказательственного значения такого опознания центр тяжести будет находиться уже не в самом, а в других доказательствах по делу. Неспособность описать предмет не исключает возможности его безошибочного опознания, так же как правильное описание не обеспечивает возможности опознания»⁵.

В некоторых случаях, когда допрашиваемый не может назвать приметы лица или предмета, целесообразно рассмотреть вопрос о проведении повторного допроса. Это обусловлено тем, что может иметь место кратковременная потеря памяти, происшедшая в силу свойств организма данного человека (например, перенапряжение нервных клеток). В последующем нервные клетки восстанавливают нормальную работу, и временно забытое может быть воспроизведено вновь. Встречаются случаи, когда первоначальное воспроизведение, следовавшее сразу после восприятия, оказывается менее полным, чем воспроизведение, отложенное на два – три дня.

Если при повторном допросе выясняются не только дополнительные сведения о приметах лица, но дается иное описание тем приметам, о которых говорилось на первом допросе, следователь должен уточнить причины изменения показаний.

Иногда следователь, допрашивая несколько человек, которые в последующем будут опознающими, сталкивается с таким явлением, когда каждый из допрашиваемых по-разному описывает одного и того же человека, подлежащего опознанию. В этом случае следует выяснить, имеются ли существенные противоречия в описании одних и тех же примет лица, подлежащего опознанию, или в силу направленности внимания, свойств памяти и способности к словесному воспроизведению образа каждый из допрошенных по-своему правильно описывает внешность запомнившегося человека.

Следственной практике известны случаи, когда каждый из видевших одного и того же преступника правильно описывал его внешность, но при этом допрошенные акцентировали внимание на разных признаках. При предъявлении же преступника все ранее допрошенные лица опознали его.

⁴ Гинзбург А. Я. Указ. соч. С. 22.

⁵ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 269.

При необходимости проведения опознания с участием потерпевшего или другого лица, состояние здоровья которого вызывает опасения (тяжело раненного, престарелого и т. д.) или же при допросе которого выявились обстоятельства, говорящие о его возможной психической неполноценности, необходимо предварительно получить заключение врача о способности опознающего достаточно правильно воспринимать происходящее и давать полноценное объяснение. В сложных случаях для этой цели может быть назначена судебно-психологическая или судебно-психиатрическая экспертиза.

С учетом зафиксированных при допросе признаков внешности и условий, в которых опознающий наблюдал человека, следователь принимает решение о целесообразности опознания. Не следует забывать, что «неопознание – не просто отсутствие одного из доказательств, а «противодоказательство», если предъявлялся человек, действительно совершивший преступление. Данное лицо будет использовать факт своего неопознания на всех этапах следствия и судопроизводства»⁶. Поэтому в некоторых случаях следователь вправе отказаться от производства предъявления для опознания.

УДК 343.1:(075.8)

НЕОБХОДИМО ИЗМЕНИТЬ КОНЦЕПЦИЮ ПОНИМАНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Necessity of Changing the Concept of Victim's Understanding in Criminal Court Procedure

П. Г. Марфицин – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

P. G. Marfitsin – Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University, Doctor of Law Sciences, Professor

Аннотация. В статье показана необходимость изменения научного взгляда о понятии потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Предлагается для этих целей использовать юридический и фактический аспекты понимания данного участника.

The article reads about the necessity of changing the scientific point of view concerning the concept of a victim in criminal court procedure. It is offered to use for this aim the legal and factual aspects of this participant's understanding.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, потерпевший, фактическое и юридическое начало, правовой статус.

Criminal court procedure, victim, factual and legal rudiments, legal status.

⁶ Криминалистика / Т. В. Аверьянова [и др.] / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 654–655.